

Максим Исаев

Любовь длиною в жизнь

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
И85

И85 **Исаев М.**
Любовь длиною в жизнь / Максим Исаев – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2022. – 308 с.

ISBN 978-5-907564-80-0

Удивительная штука жизнь. Всю свою интересную, насыщенную трагическими, драматическими и лирическими событиями жизнь хотел писать, а всё было некогда. И только теперь, оказавшись на пенсии, пишу – и наслаждаюсь этим утомительным трудом, перебираю старые записные книжки, заметки на листочках, в блокнотах. Всех помню. Всё помню. И друзей, и врагов, и случайных, и невероятно интересных людей, с которыми меня сводила судьба. Объездил полмира. Изучал, наблюдал, теперь излагаю. Говорят, что получается интересно. Попросят ещё писать, присылать. Мне это интересно, поэтому и пишу дальше. Может, для кого-то станет уроком, назиданием, а то и предупреждением мой жизненный опыт. Я почти ничего не выдумываю. Всё было.

ISBN 978-5-907564-80-0

© Lennex Corp, 2022
© М. Исаев, 2022

Серия

«ДИАЛОГ»

Премия имени Василия Белова

° 3
4 W
П
H

Серия
«ДИАЛОГ»

Премия имени Василия Белова

Максим Исаев

**ЛЮБОВЬ
ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ**

Повести и рассказы

Москва
Интернациональный Союз писателей
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И85

Составитель серии Елена Наливина

Исаев, М.

И85   Любовь длиною в жизнь : повести и рассказы / Максим Исаев. – М. : Интернациональный Союз писателей, 2022. – 308 с. – (Серия «Диалог» им. Василия Белова).

ISBN 978-5-907564-80-0

Удивительная штука жизнь. Всю свою интересную, насыщенную трагическими, драматическими и лирическими событиями жизнь хотел писать, а всё было некогда. И только теперь, оказавшись на пенсии, пишу – и наслаждаюсь этим утомительным трудом, перебираю старые записные книжки, заметки на листочках, в блокнотах. Всех помню. Всё помню. И друзей, и врагов, и случайных, и невероятно интересных людей, с которыми меня сводила судьба. Объездил полмира. Изучал, наблюдал, теперь излагаю. Говорят, что получается интересно. Просят ещё писать, присылать. Мне это интересно, поэтому и пишу дальше. Может, для кого-то станет уроком, назиданием, а то и предупреждением мой жизненный опыт. Я почти ничего не выдумываю. Всё было.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907564-80-0

© М. Исаев, 2022
© Интернациональный Союз писателей, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я знал и до сих пор помню одну замечательную страну, где люди были добрее, веселее, романтичнее, где часто спорили о физике и лирике; это была самая читающая в мире страна: в метро, в автобусах, на улице, на полях – везде люди с книжкой в руках. Называлась она Советский Союз. Внутри этой большой страны была маленькая республика с гордым и талантливым народом, и называлась она Дагестан. Уникальная республика, где народ был заражён творческим вирусом, где даже доброго утра друг другу желали только стихами; где с десятка местных языков переводили на русский и другие языки мира гениальные творения. Один только Расул Гамзатов, поэт с мировым именем, чего стоит! Да, имя Расула Гамзатова гремело на весь мир, но сколько было поэтов местного значения, сам Аллах не знает! Пишет чуть ли не каждый двор, чуть ли не каждый класс, и слагать стихи считается чуть ли не обязанностью. У меня на книжной полке есть одна уникальная книжка. Называется она «Поэты одной деревни». В ней восемнадцать авторов. Вдумайтесь только: в одной деревне восемнадцать печатающихся поэтов! А сколько непечатающихся?

Я родился в этой деревне, что находится в Дагестане, на родине Расула Гамзатова (надеюсь, многие его ещё помнят), в далёком 1950 году. Рос в окружении писателей и поэтов с самого детства. Старший мой брат Исаев Исрапил Исаевич был известным в Дагестане врачом, хирургом – и поэтом, издал несколько томов своих стихотворных произведений (они есть в интернете). Брат плотно дружил с Расулом Гамзатовым и многими другими поэтами Дагестана. Дома у него за столом с хорошим вином часто проводились литературные вечера, семинары, обсуждались внутрицеховые проблемы, новости. И я невольно попадал в эту компанию с детских лет. Возможно, от них я и заразился творческим вирусом. И вирус этот жил во мне всегда. Помните, у Лермонтова:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла...

Писал я всю жизнь. Писал не для того, чтобы издаваться, делать литературную карьеру, – писал просто в удовольствие и никогда не заморачивался тем, что будет с моей рукописью.

Так получилось, что судьба забросила меня в Беларусь, где я окончил политехнический институт в Минске и долго работал на заводе мастером, конструктором, затем руководителем разных уровней. Параллельно окончил Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР в Москве. Учитывая, что я родился и жил до восемнадцати лет в абсолютно моноэтнической среде кумыков и русский язык стал изучать только с шестого класса, плавать свободно в стихии русского языка мне было нелегко, а выстраивать диалог, структуру сюжета пьес, сценариев я, как инженер, мог более-менее успешно. Поэтому я изначально выбрал драматургию. Семинар вели ректор института Владимир Фёдорович Пименов, профессора Виктор Сергеевич Розов и Инна Вишневская. В 1990 году от Союза писателей Белоруссии (тогда ещё Белоруссии, а сегодня – Беларуси) участвовал во Всесоюзном семинаре молодых драматургов в городе Пицунде, где Министерство культуры СССР выкупило у меня сразу две пьесы, и в 1991 году уже начались репетиции в нескольких театрах. Но... Мы потеряли страну, а вместе с ней потеряли ориентиры, и театры ушли в классику, потому что платить гонорары авторам было не с чего... А мы, народ, бросились искать свои тропы в новой жизни, чтобы семью прокормить. Много чего интересного – и драматического, и трагического – за это время произошло и в моей жизни... Поработал журналистом, бизнес замутил, выжил, поднял детей, вышел на пенсию и наконец-то принялся усмирять свой творческий зуд. Написал несколько пьес, сценариев, а прозу разбудить в себе всё боялся: смогу ли я свободно плавать в стихии русского языка, почувствовать сердцем, что язык отвечает мне на мою любовь взаимностью, что я уже родной в русском языке? «А почему нет? – уверял я сам себя. – Набоков ведь писал на двух языках! Во куда загнул! Набоков родился в Питере, в образованной интеллигентной семье и с детства разговаривал на трёх языках, а ты, парень, вышел в свет, едва освоив русский по школьной программе!»

Любовь длиною в жизнь

И всё же я замахнулся на святое – набрался наглости и начал писать. Писать, переписывать; читать, редактировать, зачёркивать, дописывать – пять, шесть, десять раз! Пока не успокоится душа. Но она никогда не успокаивается и каждый раз посылает команду пальцам исправить и опять переписать.

Я много работаю. Пишу, как Джек Лондон, каждый день до обеда хоть страничку, хоть две – как получается. Когда цепь мыслей или событий не вяжется, беру в руки книжку и читаю классиков, отвлекаюсь, отдыхаю и опять пишу. Только вот для чего я пишу? Для кого? Зачем? Какова моя сверхзадача? Зачем я мучаю себя, часто обрекая на бессонные ночи, вместо того чтобы посидеть на речке с удочкой в руках? Да и затратное нынче это дело – писательство. И особо не развернёшься на пенсионное обеспечение. Но я пишу, потому что не могу не писать. Да и хочется оставить след на земле после себя. На могилу мою дети, внуки не каждый день придут, а книжки мои будут всегда на полке перед глазами. Надеюсь, будут. Разумеется, проблемы с языком у меня всё ещё остались, особенно на обе ноги хромает моя стилистика, поэтому косоглазие в моих работах я пытаюсь компенсировать наличием действий и мыслей.

В этом сборнике собраны произведения разного формата, но все эти работы, как я смею думать, объединяет одно – безусловное присутствие юмора. Сам я безнадёжный оптимист и всегда ко всему отношусь с юмором. Это помогает держать тело и душу в полной кондиции, пригодной к возможности мечтать и радоваться жизни.

Итак, зовут меня (по паспорту) Исаев Магомедшапи Исаевич, а подписываюсь я как Максим Исаев. Псевдоним Максим предложил мне В. Ф. Пименов – в честь основателя нашего института Максима Горького. Я был любимым учеником Владимира Фёдоровича. На моей книжной полке есть две его книжки с дарственной надписью. Я ими очень дорожу.

С вашего позволения, Максим Исаев

Минск, 2022

ЛЮБОВЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

(Киноповесть)

Он появился здесь неожиданно. Небольшая белорусская деревня много повидала на своём веку, – может, поэтому сначала на него никто не обращал внимания. Старик не был похож на местных, – впрочем, он и на себя самого не был похож. Поселившись в маленьком полуразрушенном домике на окраине деревни, он от рассвета до заката стучал то топором, то молотком; разобрал старый забор, соорудил новый; несмотря на свою седую голову, лазил по крыше, как обезьяна по деревьям. Не прошло и двух месяцев, как на месте заброшенного домика засверкал свежими красками вполне приличный по местным меркам дом, перекопанный и очищенный от сорняка участок, где были посажены кустарники, деревья, цветы. Очень скоро равнодушие окружающих к одинокому старику лопнуло. Первым заговорил сосед через дорогу.

– Доброго дня вам, отец! – поздоровался сосед через забор.

Был он невысокого роста, но крепкого телосложения, лет в районе пятидесяти. У старика сложилось представление, будто приезжает он в деревню отсыпаться. Приедет ночью затемно, бросит машину прямо на улице, а сам появляется на свет только к обеду и долго моется, обливается холодной водой в речке, протекающей за дорогой, и никогда не здоровается. Не здоровался до сегодняшнего дня.

– И вы здоровы будьте! – сказал старик, особо не обращая на него внимания и продолжая работать.

Сосед постоял некоторое время, с любопытством глядя на то, как старик ловко лазит по крыше и орудует молотком, топором, а затем дал понять, что не собирается уходить.

– Как-то не по-соседски: вы тут уже давно, а мы так и не познакомились.

Старик посмотрел на него изучающе, ловко слез с крыши, сел на новую лавку, которую смастерил накануне, и пригласил:

– Проходите, сосед, не стесняйтесь.

Иван открыл калитку, прошёл во двор и представился, подойдя ближе:

– Меня Иваном звать.

– Присядьте, Иван. Меня Саид. Дед Саид.

– О! Саид! Как в кино! «Откуда взялся, Саид?» – «Стреляли!» С юга приехали?

– Стреляли уже давно. Теперь мир и покой. Из Минска я. Давно тут живу.

– Навели такую красоту. Один. Почему дети, внуки не помогают?

– Нет у меня никого. Были. Жена ушла. На тот свет. В прошлом году. Есть сыновья... Были... Там уже невестки... Во мне не нуждаются... Потерял я всех. А дочку мне Господь не дал.

– Понятно. С невестками сложно, – ответил Иван задумчиво и с грустью в глазах. Затем поднял голову и бодро добавил: – У меня такая же фигня, почему я и убегая сюда. Как начнут собачиться жена с невесткой, хоть ты в петлю... Потому и убегая от греха по-дальше.

– Молодёжь другая сегодня: почтения нет к старшим. Ни к своим, ни к чужим.

– Я тоже в Минске живу. А тут дом предков. Их уже нет в живых. Приезжаю, ухаживаю за могилой. Зимой, правда, редко приезжаю, а летом постоянно. Скоро на пенсию, тогда совсем перееду. Так что будем соседями постоянными.

– Как помру, мои тоже приедут. Ухаживать. Мёртвых родителей больше любят дети.

– Мы жили нормально. Ругались, конечно. А кто не ругается?

– Мёртвые не ругаются.

– Как вам тут, Саид, нравится?

– Нравится. Природа. Свежий воздух. Да и кладбище рядом. Готовлюсь. Чтобы невесткам не пришлось далеко... Как помру.

– С вашим здоровьем помирать-то нелегко, Саид. Видел я, как вы по крыше бегаєте. Не всякий молодой может так.

– Помирают не только больные. Потерявшиеся тоже помирают. От ненужности.